

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.3>

UDC 81'42:32

LBC 81.055.1

Submitted: 29.11.2024

Accepted: 31.03.2025

INTERPERSONALITY AND RHETORICAL FUNCTIONS OF IDEOLOGEMES IN POLITICAL BLOG TEXT

Petr K. Ivanov

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Pavel A. Katyshev

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Olga V. Zaytseva

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the rhetorical analysis of ideologically marked speech units in the political blog texts. It aims to study their actualization as markers of interpersonality. Based on reviewing the theoretical information about ideologemes as a key unit of political language, the methodology of researching blog publications within the framework of textual content hierarchy is developed and applied. As a result, the most frequent ideologemes in the Telegram channels of contemporary Russian politicians, as well as the distribution patterns of ideologemes in the text are determined. It is proved that ideologemes are more often used in strong textual positions, which in the case of Telegram channels include the title (if any), the opening and closing paragraphs of the publication. The key functions of ideologemes when actualizing them in strong text compositions were revealed, showing their interpersonal nature: axiologically significant representation of the main theme of the publication (in the initial text position) and increasing the influential potential of prognostic, commissive and slogan components of the publication (in the final text position). It is established that ideologemes are used as one of the key means of suggestion in political texts. The methodology of identifying dominant ideologemes based on the distribution of ideologically labeled units in strong text positions is proposed and tested. The hypothesis that ideologeme signs are key elements of political discourse at the level of textual construction is confirmed.

Key words: political language, political communication, blog, interpersonality, strong text positions, suggestion, ideologeme.

Citation. Ivanov P.K., Katyshev P.A., Zaytseva O.V. Interpersonality and Rhetorical Functions of Ideologemes in Political Blog Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 3, pp. 29-42. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.3>

УДК 81'42:32

ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 29.11.2024

Дата принятия статьи: 31.03.2025

ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНОСТЬ И РИТОРИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИДЕОЛОГЕМ В ТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО БЛОГА

Петр Константинович Иванов

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Павел Алексеевич Катышев

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Ольга Валерьевна Зайцева

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена риторическому анализу идеологически маркированных речевых единиц в текстах политического блога, направленному на исследование их актуализации в качестве маркеров интерперсональности. С учетом теоретических сведений об идеологеме как ключевой единице политического языка разработана и применена методология исследования блог-публикаций с точки зрения концепции содержательной иерархии текста. Установлены наиболее частотные идеологемы в Telegram-каналах, которые ведутся от лица современных российских политиков (М.В. Захаровой и Д.А. Медведева), а также закономерности распределения идеологем в тексте. Выделены ключевые функции идеологем в сильных текстопозициях, проявляющие их интерперсональную природу: аксиологически значимое представление основной темы публикации (в начальной текстопозиции) и повышение воздействующего потенциала прогностических, комиссивных и лозунговых составляющих публикации (в завершающей текстопозиции). Показано, что идеологемы используются как одно из ключевых средств внушения в политических текстах. Предложена и апробирована методика выявления доминантных идеологем, основывающаяся на распределении идеологически маркированных единиц по сильным текстовым позициям. Подтверждена гипотеза о том, что знаки-идеологемы – ключевые элементы политического дискурса на уровне текстопостроения. *Вклад авторов.* П.К. Ивановым и П.А. Катышевым предложена методологическая концепция исследования. Отбор эмпирического материала, его обработка осуществлены П.К. Ивановым и О.В. Зайцевой. Интерпретация результатов исследования проведена авторами совместно.

Ключевые слова: политический язык, политическая коммуникация, блог, интерперсональность, сильные позиции текста, внушение, идеологема.

Цитирование. Иванов П. К., Катышев П. А., Зайцева О. В. Интерперсональность и риторические функции идеологем в тексте политического блога // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 29–42. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.3>

Введение

В антропоцентрической лингвистике язык и речь рассматриваются в разных функциях, в том числе и как инструменты воздействия и реализации власти. Значительный опыт осмысления социальных функций языка накоплен в теории речевых актов [Блакар, 1987], теории дискурса, в частности критического дискурс-анализа [Дейк, 2013], теории речевого воздействия – от античной традиции до неориторики [Шелестюк, 2014]. Следует отметить, что в силу междисциплинарности таких исследований, обусловленной многомерностью самого их объекта, о наличии системной методологии антропоцентрической лингвистики говорить рано, как, впрочем, и о существовании тех или иных окончательных выводов о том, каким именно образом осуществляется воздействие, опосредованное языком. Так, имеющиеся классификации способов (методов) и приемов воздействия, при общей перспективности теории воздействия как интегральной методологии лингвопрагматики, весьма разнообразны и часто имеют между собой мало общего (ср. классификации И.А. Стернина и Е.В. Шелестюк: [Стернин, 2012; Шелестюк, 2016]), а описываемые в них семиотические механизмы зачастую от-

сылают к различным этапам семиозиса – от процессов отбора, не получающих выражения в речи, до использования суперсегментных фонетических средств, оформляющих высказывание на этапе его реализации в речи (см., например: [Шелестюк, 2014]).

В связи с этим открытым остается и вопрос о сущностных и функциональных свойствах языковых единиц, способствующих формированию их воздействующего потенциала. Тот факт, что любая коммуникация может рассматриваться как процесс воздействия на сознание реципиента, не исключает наличия в языковой системе единиц, в большей степени подходящих для изменения картины мира собеседника, часто даже специализирующихся на выполнении этой функции, чем, по-видимому, обусловлено использование в современной научной литературе термина «воздействующие типы дискурса» (см., например: [Новосад, Юрина, 2024]), а также исключение информирования из многих классификаций способов (методов) воздействия (см., например: [Шелестюк, 2014]; принципиально другой подход, рассматривающий информирование как один из способов воздействия [Леонтьев, 2008, с. 159–161]). Именно на этом представлении, в частности, строится классический вариант теории функциональных стилей, в контексте

которой различаются по доминирующей функции (сообщение, воздействие и общение), с одной стороны, научный и официально-деловой стиль, с другой – публицистика и художественная литература, с третьей же – разговорная речь [Виноградов, 1963, с. 56]. В качестве языковых (речевых) признаков того или иного стиля прежде всего представляются «внешние» его признаки, то есть определенные языковые средства (например, лексические: термины, метафорические и образные выражения, оценочная или бытовая лексика), несмотря на принципиальную допустимость употребления иных, «чужих» для данного дискурса средств, как с актуализацией интердискусивности, так и без нее. Ключевому же дифференциальному параметру – собственно функциональному (целевому) – в научной и учебной литературе часто уделяется меньше внимания.

Политический дискурс, являясь одним из типичных «воздействующих» типов дискурса (если принимать этот термин), содержит свой набор внутренних (функциональных) и внешних (языковых) признаков. К числу последних можно отнести использование идеологем – особого рода языковых и ментальных единиц, с точки зрения семасиологии содержащих в своем значении идеологический компонент [Чудинов, 2012, с. 92], а с позиций когнитивной науки – представляющих собой единицы идеологической картины мира [Малышева, 2009, с. 34].

Описанию этой единицы политического языка, определению ее системных свойств и риторическому анализу употребления и посвящена настоящая работа.

Изучение идеологемы как специфической единицы политического дискурса ведется в отечественной лингвистике (и прежде всего в ней) с 1990-х годов. Доминирующими в современной науке можно признать два основных подхода к ее описанию: лингвосемиотический [Чудинов, 2012; Купина, 1995; Гусейнов, 2003; Журавлев, 2004] и лингвокогнитивный [Малышева, 2009; Нахимова, 2011а; 2011б; Безродная, 2013].

Согласно первому подходу, идеологема представляет собой прагматически маркированную единицу, актуальное значение которой, во-первых, включает идеологический компо-

нент, во-вторых, реализуется по-разному в зависимости от идеологической приверженности говорящего и особенностей конситуации [Иванов, Катышев, 2022, с. 50–51]. Подчеркивается также, что идеологемы существуют на границе языкового и неязыкового знания, вследствие чего актуализуются при соотношении концептосферы языка с аксиосферой общественного сознания; под аксиосферой при этом понимается «свойственная данной эпохе система концептуальных приоритетов и ценностей» [Журавлев, 2004, с. 78–79].

В соответствии со вторым, лингвокогнитивным подходом идеологема рассматривается как «ментальная единица» [Нахимова, 2011а, с. 153] или «универсалия мыслительная, когнитивная, единица идеологической картины мира, которая объективируется в тексте (в том числе в тексте креолизованном) и – шире – в дискурсе языковыми единицами различных уровней, а также знаками других семиотических систем» [Малышева, 2009, с. 34]. Различая когнитивную и языковую стороны идеологической единицы, Е.Г. Малышева ссылается на А.А. Мирошниченко, еще в 1990-е гг. предложившего для их описания термины *лингвема* и *идеологема* – «праксема языка» и «праксема сознания», в результате соотношения которых формируется «лингво-идеологема». При этом, как указывает А.А. Мирошниченко, «идеологема является концептом, а лингвема – индикатором лингво-идеологемы» [Мирошниченко, 1995, с. 7] (ср. представление о концепте и его имени в ряде исследовательских моделей современной концептологии [Фрумкина, 1995, с. 90]). Важным для лингвокогнитивного описания идеологем является то, что прагматика данных единиц и их языковых репрезентаций отличается большей конвенциональностью в сравнении с неидеологизированными концептами [Безродная, 2013, с. 144], что объясняет устойчивость и воспроизводимость подобных знаков и сближает их с прецедентными феноменами.

Вопрос о соотношении идеологем и прецедентных феноменов заслуживает особого рассмотрения. Как указывают ученые, придерживающиеся лингвокогнитивного и когнитивно-дискурсивного подходов к исследованию языка, в ряде случаев идеологемы приобретают все признаки прецедентных фено-

менов. Именно такой вывод делает, например, С.М. Карпенко в отношении идеологем советской эпохи *советский народ* и *рабочий класс*, анализируя их употребление в постсоветской публицистике и имея в виду такие признаки прецедентных феноменов, как сверхличностный характер, аксиологичность, образность, воспроизводимость [Карпенко, 2021, с. 16]. Е.А. Нахимова в диссертационном исследовании, выполненном на материале онимов, также указывает, что идеологема должна рассматриваться как феномен (ментальная единица), который формирует концептуальные схемы и категории, обуславливающие процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте [Нахимова, 2011б, с. 194], при этом одно из изучаемых прецедентных имен (*Сталин*) включается автором в класс идеологем в противоположность именам-мифологемам (*Александр Невский*), аксиологемам (*Керенский*) и хрононимам (*Смутное время*).

Если признать, что в основе прецедентности лежит связь языковой единицы и стоящего за ней представления с чем-то конкретным, однозначно опознаваемым всеми носителями языка как хорошо известный им непосредственно или понаслышке элемент лингвокультуры [Караулов, 1987, с. 215–216; Назарова, Золотарев, 2015, с. 18–19], то, действительно, по меньшей мере некоторые номинативы могут быть отнесены к обоим классам. Это обусловлено самой сущностью имен собственных: они обозначают нечто единичное. Однако нельзя сказать то же самое об апеллятивах, в особенности о тех, которые используются для описания современных нам реалий, и тем более о тех, которые возникают на наших глазах. Прецедентность свойственна идеологемам-апеллятивам лишь в том смысле, в каком они являются, по М.М. Бахтину, диалогическими единицами, то есть регулярно воспроизводятся в дискурсе, тем самым актуализуя в памяти носителя языка его прежний речевой опыт (в том числе через систему прецедентных текстов, но не всегда); в то же время прецедентность как способность отсылать к конкретной реалии, конечно, не характеризует идеологемы, давно вошедшие в основной словарный фонд языка, например, та-

кие как *марксист*, *коммунист* и пр. Лишь некоторые идеологически маркированные единицы из числа апеллятивов прецедентны, «хрестоматийны» в полном смысле слова: например, термин *вертикаль власти* может рассматриваться как прецедентный, поскольку отсылает к политической системе, появление которой связывается с конкретным главой государства, с конкретным историческим периодом и, следовательно, вполне конкретными реалиями. В то же время значительная часть идеологем прецедентностью не обладает.

В связи с этим весьма значимыми для определения сущностных свойств идеологемы оказываются и более ранние исследования [Купина, 1995; Гусейнов, 2004]. В работе Н.А. Купиной, посвященной рассмотрению советской идеологии, отраженной в словарных статьях «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, постулируется наличие в лексикографическом описании языковых единиц идеологического макрокомпонента, который представляет собой «цельную, развернутую, достаточно самостоятельную часть словарного толкования и/или набор качественно новых для русского языка контекстов (от словосочетания до развернутого высказывания), рекомендуемых Словарем в качестве нормативных, типовых» [Купина, 1995, с. 8]. Совокупность этих элементов словарного метаязыка, по утверждению автора исследования, должна рассматриваться как сверхтекст, через систему аксиологически маркированных оппозиций охватывающий всю действительность определенной эпохи. В том же направлении выполнен труд Г.Ч. Гусейнова, в котором (вероятно, за счет расширения материала исследования) доказано, во-первых, что идеологемой могут выступать единицы любого порядка – от графемы до прецедентного текста, во-вторых, что «сверхтекстом идеологического языка является и язык идеологии, и язык сопротивления этой идеологии» [Гусейнов, 2004, с. 30].

Краткий обзор литературы позволяет сделать на данном этапе следующие обобщения.

1. Идеологема представляет собой языковую единицу с идеологическим компонентом значения. Он может быть выделен как часть прагматической (коннотативной) стороны значения языкового знака и должен рас-

смаатриваться в связи с другими ее составляющими (оценкой, эмоционально-экспрессивными семами, стилистической отнесенностью), однако с достаточной ясностью отличаться от других типов языковых единиц, которые, будучи прагматически маркированными, не содержат идеологических сем.

2. Идеологический компонент значения должен рассматриваться как элемент определенной идеологической системы – сверхтекста, к которому отсылает идеологически маркированная языковая единица.

3. Идеологемой может быть названа единица любого языкового уровня, а также целый текст или его фрагмент.

В ряде исследований, кроме того, подчеркивается, что идеологема представляет собой единицу, формирующуюся исключительно дискурсивно или, иными словами, приобретающую свои прагматические характеристики только при соотнесении ее с идеологическим сверхтекстом [Журавлев, 2004, с. 38–39]. Это возможно при актуализации знака в речи субъекта – транслятора определенной идеологической позиции [Иванов, Катыхов, 2023, с. 139].

История изучения идеологем демонстрирует движение от понимания этих единиц как элементов словарного фонда языка и знаковых элементов в широком смысле [Купина, 1995; Гусейнов, 2004; Чудинов, 2012; Карамова, 2015] через изучение их метаконтекстуальных связей и диахронической динамики [Мирошниченко, 1995; Журавлев, 2004] к лингвокогнитивному их описанию как элементов идеологии, составляющих часть языковой картины мира [Малышева, 2009; Нахимова, 2011а; 2011б; Безродная, 2013; Клушина, 2014; Радбиль, 2017].

В настоящее время наиболее распространены исследования идеологем, в основании которых лежит метод контент-анализа; решение научных задач в этих работах опирается на обработку больших массивов текстов, направленную на выявление ключевых понятий политического дискурса, особенностей их ассоциативно-полевой организации и языковой репрезентации (см., например: [Романова, 2019; Юрина, Жакупова, Мукашева, 2022]). При этом идеологемы как риторизованные единицы, участвующие в построении

конкретных экземпляров политического дискурса, прежде не становилось предметом отдельного изучения.

В связи с этим особую актуальность приобретает анализ идеологем в свете риторической проблематики: рассмотрение их не только как особого пласта словарного фонда языка, но и как специфического речевого средства воздействия, использующегося продуцентами политического дискурса и, возможно, организующего этот дискурс особым образом. Замысел такого рода и определяет ход настоящего исследования. Его гипотеза связана с тем, что знаки-идеологемы являются ключевыми элементами политического текста не только на парадигматико-концептуальном уровне, но и на уровне текстопостроения.

Материал и методы

Несмотря на то, что в современной отечественной науке накоплен значительный опыт исследования идеологем, вопросы, касающиеся выявления подобного рода единиц, разграничения идеологем и других прагматически маркированных языковых знаков, остаются открытыми. Не претендуя на сколько-нибудь полное их разрешение, кратко представим основные методологические презумпции, необходимые для организации нашего исследования.

1. Выявление идеологем. В лингвистико-ориентированных исследованиях обычно говорят о двух классах идеологем:

1) о единицах, смысловое содержание которых неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов. При этом выделяют слова с различиями лишь в эмоционально-оценочной окраске (*буржуазия*, *демократия*, *капитализм*, *коммунизм*) и слова, имеющие отличия в когнитивных компонентах значения (чаще всего с точки зрения денотата: *народ* как люди физического труда в понимании российских коммунистов и *народ* как все население страны для их политических оппонентов);

2) о наименованиях, «которые используются только сторонниками определенных политических взглядов» [Чудинов, 2012, с. 92–93].

Инвариантным признаком, таким образом, выступает однозначная соотнесенность слова или его значения с дискурсом и субъек-

тами речи, участвующими в его воспроизводстве, – подобно тому, как слово с определенной функционально-стилистической окраской неизбежно отсылает к той или иной сфере использования языка и ее акторам.

Методика выявления этих двух классов языковых знаков была предложена П. Зэмшалом. Она представляет собой одну из вариаций семантического эксперимента и включает две операции: сравнение коннотаций, которые единица актуализует в различных идеологических дискурсах (только единица, меняющая оценочность при помещении в иной, обычно полярный, идеологизированный дискурс, должна быть признана идеологемой); поиск контекстов, которые меняли бы оценочность слова, в пределах одного дискурса (только единица, неироничное употребление которой с противоположной оценкой в пределах одного идеологизированного дискурса невозможно, должна быть признана идеологемой) [Зэмшал, 2014, с. 140–141]. В результате этих операций обнаруживаются первый и второй классы идеологем соответственно; эта методика использовалась и в настоящем исследовании.

2. Идеологемы и иные прагматически маркированные знаки. Проблема соотношения идеологемы с другими единицами эмического ряда в современной науке не решена, что, по-видимому, обусловлено рядом факторов. С одной стороны, полноценное исследование этой единицы, которая, бесспорно, эгоцентрична [Падучева, 2019] и способна не только в речи, но и – потенциально – на уровне абстрактной языковой системы самостоятельно манифестировать антропокомпонент [Иванов, Катышев, 2023], требует особой междисциплинарной методологии, учитывающей всю антропоцентрическую многомерность идеологемы. С другой – сопоставительный ряд антропоцентрических единиц не замкнут и включает множество феноменов, которые по-прежнему заслуживают отдельного исследования. Например, только в работах по идеологемам упоминаются и при этом по-разному определяются следующие типы знаков: прагмема [Мирошниченко, 1995; Журавлев, 2004]; мифологема, культурема [Купина, 1995; Журавлев, 2004; Нахимова, 2011а; Иванова, Чанышева, 2018]; аксиологема, лингвокульту-

рема, политема, символема [Журавлев, 2004]. Недостаточная ясность понятий при научном описании политического языка, объясняется и относительной новизной этого направления исследований.

Принципиально значимыми в актуальном контексте являются следующие обстоятельства. Во-первых, идеологема представляет собой ценностно маркированную единицу, то есть одну из разновидностей аксиологем, а также формируется и реализуется как отсылка к фоновому знанию, является представителем некоего идеологически значимого концепта – элемента идеологии. То и другое убедительно обосновывается С.А. Журавлевым в его диссертационном исследовании [Журавлев, 2004, с. 36–43]. В рамках риторической парадигмы дальнейшая демаркация не столь важна, и достаточно формальной проверки контекстом: мифологема, культурема, символема обладают тем же набором свойств, или, по крайней мере, эти свойства представляют часть их классификационных параметров.

Во-вторых, действительно существенны различия между прагмемами и идеологемами: прагмема представляет собой «устойчивую лингвистическую единицу – системообразующий элемент в лексико-семантической иерархии языка», а идеологема – это «подвижная, нерелевантная единица, квалификативная адекватность которой выявляется в контексте путем дискурсивного анализа» [Журавлев, 2004, с. 38]; аналогичное этому разграничение проводит и Г.Н. Складаревская, говоря о различиях между когнитивным и идеологическим компонентами в прагматической части значения слова [Складаревская, 1995]. Это важно, потому что в процессе риторизации данные типы единиц могут употребляться совместно, в том числе формируя или поддерживая значения друг друга, и еще – в меньшей степени – потому что отдельные экземпляры идеологизированного дискурса могут и вовсе не содержать идеологем, и тогда именно на прагмемы ложится нагрузка по формированию категории интерперсональности в тексте.

Материал исследования составили публикации в Telegram-каналах, ведущихся от имени М.В. Захаровой, директора Департамента информации и печати Министерства иностранных дел Российской Федерации

(<https://t.me/MariaVladimirovnaZakharova>), и Д.А. Медведева, заместителя председателя Совета безопасности Российской Федерации (https://t.me/medvedev_telegram). Публикации были отобраны методом целенаправленной выборки, ограничительной процедурой для которой выступала методика П. Зэмшала, представленная выше. Для исследования была сформирована первичная выборка, которая включала 100 текстов, опубликованных в период с 22 ноября по 8 декабря 2024 г. в Telegram-канале «Мария Захарова» и 37 текстов, опубликованных в период с 28 июня по 4 декабря 2024 г. в Telegram-канале «Дмитрий Медведев», общим объемом 137 публикаций. Из данной выборки были исключены публикации-репосты и публикации, целью которых является отсылка к материалу, размещенному на другом информационном ресурсе. Из оставшихся публикаций искомые речевые единицы были обнаружены в 40 экземплярах (по 20 в каждом из Telegram-каналов). Набор выявленных единиц был скорректирован с учетом гнездового принципа, в соответствии с которым группы слов и словосочетаний, объединенных мотивационными отношениями, считались как одна номинативная единица (например, *террор* – *террористический*; *нацисты* – *неонацисты* – *украинские нацисты* – *украионацисты*). Итоговое количество выявленных единиц составило 31 слово и выражение, которые в общей сложности встретились 157 раз.

В соответствии с выдвинутой гипотезой можно предположить, что между двумя сторонами существования идеологем: как когнитивных феноменов, организующих целостную систему представлений (идеологию), и как речевых единиц, обладающих повышенным воздействующим потенциалом, – должна наблюдаться корреляция. Учитывая общую вовлекающую направленность политического текста [Шейгал, 2004; Катышев, Боженкова, 2020; Чжао Янь, 2020], идеологемы должны занимать ключевое место в его структуре и оформлять его подобно тому, как оформляют когнитивные пространства уже вовлеченных людей, сторонников той или иной идеологии. Иными словами, прежде чем оформиться и закрепиться в сознании реципиента, идеологемы должны реали-

зоваться дискурсивно в таких условиях, которые предполагают их ключевой статус в тексте с точки зрения его риторического построения.

Для проверки данного предположения в настоящем исследовании была применена концепция содержательной иерархии текста, подразумевающая существование в тексте сильных позиций, содержанием которых «является очень важная для текста в целом информация» [Арнольд, 2019, с. 223, 238], за счет своего расположения привлекающая особое внимания читателя. Данная концепция, разработанная в научных школах интерпретации художественного текста и стилистики декодирования [Арнольд, 2019; Кухаренко, 1988], в дальнейшем стала использоваться и для изучения нефикциональных дискурсов (см., например: [Богоявленская, 2013; Ильина, Толмачева, 2024; Парешнева, 2022]).

К числу сильных позиций по формальному критерию в данном случае были отнесены заголовки (при его наличии), первый и последний абзацы текста. С учетом того, что в большом количестве публикаций заголовки отсутствуют, он (при наличии) и первый абзац рассматривались как единая начальная текстопозиция. В случае с публикациями, которые носят обзорный характер, то есть в них актуализуется несколько тем (обычно их актуализация сопровождается нумерацией), сильные позиции выделялись в каждом из обособленных фрагментов (первое и последнее предложение абзаца). Такие публикации встретились только в Telegram-канале «Дмитрий Медведев».

Исследование проводилось с использованием методов математической статистики.

Результаты

Общее количество словоупотреблений в рассматриваемой выборке составило 9 663 словоформы с соотношением 3 174 / 6 489 словоформ в сильных / несильных позициях соответственно. Задача – вычислить ожидаемую частотность идеологем в сильных и несильных позициях текста и определить статистическую значимость отклонения наблюдаемой частотности от ожидаемой в зависимости от качества текстопозиции по критерию хи-квадрат.

С учетом того, что часть идеологем представляет собой неоднословные единицы, в каждой из идеологем был выделен опорный компонент, который однозначно или почти однозначно позволяет идентифицировать конкретную идеологему в пределах исследуемой коллекции текстов, что позволило условно посчитать каждое употребление идеологемы как одну словоформу.

Результаты подсчета количества употреблений идеологем представлены в табли-

це 1 (идеологемы даны в порядке уменьшения их частотности).

Была выдвинута нулевая гипотеза о том, что количество идеологем, встречающихся в тексте, не зависит от качества текстовой позиции. Результаты подсчета ожидаемых величин представлены в таблице 2.

Результаты подсчета расхождения между наблюдаемыми и ожидаемыми величинами представлены в таблице 3. Коэффициент Пирсона составил 6,98. Для проверки нулевой гипотезы

Таблица 1. Количество идеологем в анализируемой выборке

Table 1. The number of ideologems in research sample

Идеологема	Количество (в абсолютном выражении)				
	Общее количество употреблений	В канале «Мария Захарова»	В канале «Дмитрий Медведев»	В сильной позиции	В не-сильной позиции
киевский режим	31	27	4	13	18
нацизм	29	11	18	16	13
террор	17	12	5	4	13
бандеровский	13	1	12	4	9
б. Украина	11	0	11	4	7
боевики	8	8	0	2	6
русофобия	7	2	5	5	2
либерализм	4	2	2	0	4
предатель	4	0	4	2	2
демократия	3	2	1	1	2
хохол	3	0	3	2	1
права человека	2	1	1	0	2
хунта	2	1	1	0	2
западные покровители / кураторы	2	2	0	1	1
геноцид	2	2	0	1	1
антироссийский	2	1	1	2	0
возврат территорий	2	0	2	0	2
англосаксонский	2	0	2	1	1
государственный переворот	1	1	0	0	1
распространение фейков	1	1	0	1	0
сила в правде	1	1	0	1	0
разгон протестов	1	1	0	1	0
украинский сценарий	1	1	0	1	0
государство-агрессор	1	1	0	1	0
коллективный Запад	1	1	0	0	1
Мировое большинство	1	1	0	1	0
янки	1	0	1	0	1
Пиндостан	1	0	1	1	0
пшек	1	0	1	1	0
рейх	1	0	1	0	1
страна 404	1	0	1	1	0
Всего	157	80	77	67	90

Таблица 2. Ожидаемые величины распределения идеологем по позициям текста

Table 2. Theoretical frequencies of distribution of ideologemes by text positions in research sample

Тип единицы	Сильная позиция	Несильная позиция	Всего
Идеологема	51,58595	105,4141	157
Не идеологема	3123,414	6382,586	9506
Всего	3175	6488	9663

Таблица 3. Расхождения между наблюдаемыми и ожидаемыми величинами

Table 3. Deviations between observed and theoretical frequencies

Тип единицы	Сильная позиция	Несильная позиция
Идеологема	4,61	2,25
Не идеологема	0,08	0,04

было определено число степеней свободы – 1. Коэффициент Пирсона для данного числа степеней свободы составляет 3,841 при уровне значимости 0,05 и 6,635 при уровне значимости 0,01. Полученный коэффициент превышает оба этих порога.

Таким образом, результаты анализа демонстрируют статистически значимое расхождение между наблюдаемыми и ожидаемыми величинами, что позволяет отвергнуть нулевую гипотезу и принять альтернативную: идеологемы в рамках исследуемой выборки распределены в текстах неравномерно, и в сильных текстовых позициях используются чаще.

Дискуссия

Двусторонняя сущность идеологем обуславливает возможность их анализа по меньшей мере на двух уровнях: когнитивном и языковом. Первый из них подразумевает реконструкцию процессов, связанных с предпочтением той или иной номинативной единицы другим, и его изучение проводится методами макродискурсивного анализа (в терминологии Н. Фэрклафа и Т. ван Дейка). Процедуры такого анализа подробно описаны в основополагающих работах по методологии критических дискурсивных исследований [Дейк, 2013; Йоргенсен, Филлипс, 2008] и предполагают прежде всего применение методик контент-анализа и диахроническое изучение дискурса. Второй уровень касается особенностей семасиологической структуры идеологем, актуализованных в дискурсе, и ча-

стично описан в предыдущих работах авторов [Иванов, Катышев, 2022; 2023].

Полученные результаты позволяют говорить о третьем возможном векторе исследования: анализе особенностей употребления идеологем как риторического средства, то есть одного из приемов речевого воздействия, который используется авторами политических текстов.

Такое распределение идеологем в тексте дает возможность сделать предположение о том, что их риторизация связана прежде всего с реализацией внушения как способа воздействия в политической коммуникации. Риторические функции идеологем зависят от конкретной позиции в тексте в целом и внутри микроконтекста. На основе исследованного материала можно выделить две их основные функции.

1. Первичная номинация предмета обсуждения в тексте, при которой обозначаемая реальность изначально представляется как аксиологически значимая. Эта функция реализуется при помещении идеологем в начальные фрагменты публикаций, например:

(1) О тех, кто стоит за **киевским режимом**. Во имя (теперь уже не «победы», они обходят эту тему стороной) ими сформулированного «стратегического поражения России» администрация уходящего президента США Байдена и европейские («ястребами» их назвать сложно) какие-то «полудохлые куры» сделали ставку на дальнейшую эскалацию, пытаясь до вступления в должность нового американского президента максимально накачать **киевский режим** оружием и тем самым гарантированно обеспечить продолжение боевых действий в 2025 году (<https://t.me/MariaVladimirovnaZakharova/9375>).

2. Повышение речевоздействующего потенциала прогностических и комиссивных речевых актов, а также лозунгов. Данная функция свойственна идеологемам, помещенным в завершающие фрагменты текста, например:

(2) К 2034 году ни одного из нынешних руководителей стран НАТО не останется на своих местах. Часть из них будет на пенсии или в лучшем из миров / в аду (выбрать требуемое). И самой **страны 404** не будет (https://t.me/medvedev_telegram/514);

(3) Все причастные к этим и другим злодеяниям **киевского режима** будут установлены и обязательно ответят по всей строгости закона (<https://t.me/MariaVladimirovnaZakharova/9429>);

(4) Поэтому лучший способ сделать 5 ноября приятное кандидатам на высший американский пост – продолжать громить **киевский нацистский режим!** (https://t.me/medvedev_telegram/541).

Будучи введенными в этих функциональных позициях, идеологемы организуют тексты подобно парадигматической структуре идеологического свертхтекста. Наиболее частотные в рамках выборки идеологемы (*киевский режим*, *нацизм*) одновременно являются одними из тех, которые чаще всего актуализуются в сильных позициях (13 / 18, 16 / 13 соответственно). Учитывая тематику рассматриваемых каналов, можно сделать вывод о доминантном статусе данных идеологем: через них открывается доступ к идеологическому свертхтексту, определяющему особенности коммуникации в исследуемых Telegram-каналах.

Для проверки данного вывода нами было дополнительно проведено исследование макродискурсивных практик на примере наиболее частотной идеологемы – *киевский режим*. Поскольку данная идеологема используется для обозначения высшей государственной власти Украины, она чаще всего ко-референтна таким номинациям, как *Киев* и *Украина*. То обстоятельство, что Telegram-канал «Мария Захарова» был запущен еще 1 июня 2021 г., позволило сравнить относительную частотность этих трех номинаций: идеологически маркированной и двух нейтральных.

Сравнение проводилось двумя способами. Первый связан с подсчетом количества сообщений, в которых использовалась хотя бы одна из этих номинаций. Результаты исследования показали, что в период с 01.06.2021 по

23.02.2022 количество сообщений, в которых использовалось выражение *киевский режим* составляло 14 % от общего количества сообщений об Украине, тогда как в остальных 76 % публикаций использовались только номинации *Киев* и *Украина* (37 / 228 публикаций соответственно). В период же с 24.02.2022 по 08.12.2024 относительное количество сообщений, включающих выражение *киевский режим*, возросло до 33 % (693 сообщения); количество сообщений только с номинациями *Киев* и *Украина* составило 67 % (1 389 публикаций).

Второй способ проверки сделанного вывода о макродискурсивных параметрах материала, доступный без лексико-морфологической разметки исследуемой коллекции текстов (для настоящего исследования она не проводилась), был связан с подсчетом относительной частотности выражения *киевский режим* и номинации *Украина* (номинация *Киев* была исключена по причине того, что она как вершина словообразовательного гнезда не могла быть автоматически выявлена в коллекции текстов без ее лексико-морфологической разметки). Результаты применения этой процедуры также согласуются со сделанным выводом: относительная частотность выражения *киевский режим* до 23.02.2024 составляла всего 8 % от общего количества случаев употребления одной из этих двух единиц (40 / 470 соответственно); в период с 24.02.2022 по 08.12.2024 относительная частотность данной единицы возросла до 30 % (988 / 2 315 соответственно).

Таким образом, проверка при помощи методики макродискурсивного анализа позволяет судить о достоверности сделанного вывода.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в дополнение к двум существующим направлениям анализа идеологем (когнитивному, реализующемуся в первую очередь при помощи методик контент-анализа, и лингвистическому, связанному с анализом актуального значения идеологически маркированных единиц в микроконтексте) может быть предложен третий, риторический подход к изучению таких единиц.

Методологическая новизна такого подхода связана с тем, что идеологемы могут рассматриваться на уровне конкретных экземпляров политического дискурса как элементы риторической структуры политического текста. При этом анализ способа их риторизации, учет их расположения в конкретных текстах позволяют не только выявить их роль в формировании воздействующего потенциала текста, но и делать значимые выводы об их статусе в идеологическом сверхтексте без применения методологии макродискурсивного анализа.

Перспектива подобных исследований связана с детализацией риторико-функциональной нагрузки идеологически маркированных единиц, изучением их роли в формировании дискурсивной категории интерперсональности посредством выявления доминирующих модусов их актуализации в дискурсе (опыт подобного изучения представлен в: [Иванов, Катышев, 2023]). Роль идеологем в текстопостроении в сочетании с особенностями реализации в них эгоцентрических категорий языка и речи может рассматриваться как один из основных параметров описания идиостиля автора политического текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольд И. В., 2019. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М. : ФЛИНТА. 448 с.
- Безродная А. Ю., 2013. Различие понятий «концепт» и «идеологема» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 3. С. 138–145.
- Блакар Р. М., 1987. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия. М. : Прогресс. С. 88–125.
- Богоявленская Ю. В., 2013. Парцелляция в сильных позициях медиатекста // Политическая лингвистика. № 1 (43). С. 128–132.
- Виноградов В. В., 1963. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М. : Изд-во Акад. наук СССР. 255 с.
- Гусейнов Г. Ч., 2004. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М. : Три Квадрата. 272 с.
- Дейк, Т. ван, 2013. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : ЛИБРОКОМ. 344 с.
- Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж., 2008. Дискурс анализ. Теория и метод. Харьков : Гуманит. центр. 352 с.
- Журавлев С. А., 2004. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола. 203 с.
- Зэмшал П., 2014. Несколько замечаний относительно понятия идеологемы // Политическая лингвистика. № 2 (48). С. 138–142.
- Иванов П. К., Катышев П. А., 2022. О семасиологических свойствах идеологем. Гуманитарные технологии в современном мире : X Междунар. науч.-практ. конф. (Калининград, 19–22 мая 2022 г.). Калининград : Полиграфыч. С. 49–51.
- Иванов П. К., Катышев П. А., 2023. Идеологема в политической коммуникации: интерперсональный аспект // Виртуальная коммуникация и социальные сети. Т. 2, № 3 (7). С. 138–143.
- Иванова С. В., Чанышева З. З., 2018. Идеологическая составляющая содержания как объект лингвистической экспертизы политического текста // Политическая лингвистика. № 1 (67). С. 180–190. DOI: 10.26170/pl18-01-22
- Ильина Э. О., Толмачева И. Ж., 2024. Средства связности «сильных позиций» текста в языке СМИ // Наука и инновационные разработки – Северу. М. : Спутник+. С. 439–442.
- Карамова А. А., 2015. Идеологемы: определение понятия и типология // Современные проблемы науки и образования. № 2-1. С. 397.
- Караулов Ю. Н., 1987. Русский язык и языковая личность. М. : Наука. 261 с.
- Карпенко С. М., 2021. Прецедентные феномены советской эпохи в современном публицистическом дискурсе (на материале Национального корпуса русского языка) // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 4 (216). С. 15–23. DOI: 10.23951/1609-624X-2021-4-15-23
- Катышев П. А., Боженкова Н. А., 2020. Позиция вовлечения в нелегитимной дискурсивной практике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 5. С. 173–182. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.15>
- Клушина Н.И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 54–58.
- Купина Н. А., 1995. Тоталитарный язык : слов. и реч. реакции. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 144 с.
- Кухаренко В. А., 1988. Интерпретация текста. М. : Просвещение. 192 с.
- Леонтьев А. А., 2008. Психология общения. М. : Смысл : Academia. 365 с.
- Малышева Е. Г., 2009. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. № 4. С. 32–40.

- Мирошниченко А. А., 1995. Лингво-идеологический анализ языка массовых коммуникаций : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д. 189 с.
- Назарова Р. З., Золотарев М. В., 2015. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Т. 15, № 2. С. 17–23.
- Нахимова Е. А., 2011а. Идеологема *Сталин* в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. № 2. С. 152–156.
- Нахимова Е. А., 2011б. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. 276 с.
- Новосад К. Ю., Юрина Е. А., 2024. Феномен лингвокреативности и его реализация в дискурсе СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 17, № 7. С. 2445–2451. DOI: 10.30853/phil20240348
- Падучева Е. В., 2019. Эгоцентрические единицы языка. М. : ЯСК. 440 с.
- Парешнева В. О., 2022. Метафорика и интертекст в сильных текстовых позициях политического медиадискурса // Гуманитарные и юридические исследования. Т. 9, № 2. С. 332–338. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.22
- Радбиль Т. Б., 2017. Язык и мир: парадоксы взаимотражения. М. : ЯСК. 592 с.
- Романова Т. В., 2019. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности. Н. Новгород : ДЕКОМ. 120 с.
- Скляревская Г. Н., 1995. Прагматика и лексикография // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность : сб. ст. М. : ИРЯ РАН. С. 63–71.
- Стернин И. А., 2012. Основы речевого воздействия. Воронеж : Истоки. 178 с.
- Фрумкина Р. М., 1995. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю. С. Степанова. М. : ИЯ РАН. С. 74–117.
- Чжао Янь, 2020. Речевое вовлечение в президентском дискурсе (на материале выступлений В.В. Путина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 175 с.
- Чудинов А. П., 2012. Политическая лингвистика. М. : Флинта : Наука. 256 с.
- Шейгал Е. И., 2004. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис. 324 с.
- Шелестюк Е. В., 2014. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. М. : ФЛИНТА : Наука. 344 с.
- Юрина Е. А., Жакупова А. Д., Мукашева А. О., 2022. Интерпретационный и воздействующий потенциал ключевых идеологем президентско-

го дискурса Н.А. Назарбаева // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 76. С. 199–229. DOI: 10.17223/19986645/76/9

REFERENCES

- Arnold I.V., 2016. *Semantika. Stilistika. Intertekstualnost* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Moscow, FLINTA Publ. 448 p.
- Bezrodnaya A.Yu., 2013. Razlichie ponyatiy «kontsept» i «ideologema» [On Differences Between the Notions “Concept” and “Ideologeme”]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Irkutsk State Linguistic University Bulletin], no. 3, pp. 138-145.
- Blakar R.M., 1987. Yazyk kak instrument sotsialnoy vlasti (teoretiko-empiricheskie issledovaniya yazyka i ego ispolzovaniya v sotsialnom kontekste) [Language as a Means of Social Power]. *Yazyk i modelirovanie sotsialnogo vzaimodeystviya* [Language and the Modeling of Social Interaction]. Moscow, Progress Publ., pp. 88-125.
- Bogoyavlenskaya Yu.V., 2013. Partsellyatsiya v silnykh pozitsiyakh mediateksta [Subdivision in Strong Positions of Media Text]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 1 (43), pp. 128-132.
- Vinogradov V.V., 1963. *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* [Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR. 255 p.
- Guseynov G.Ch., 2004. *Sovetskie ideologemy v russkom diskurse 1990-kh* [Soviet Ideologemes in Russian Discourse of the 1990s]. Moscow, Tri Kvadrata Publ. 272 p.
- Dijk T. van, 2013. *Diskurs i vlast: reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representing Dominance in Language and Communication]. Moscow, LIBROKOM Publ. 344 p.
- Yorgensen M.V., Fillips L.G., 2008. *Diskurs analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis as Theory and Method]. Kharkov, Gumanit. tsentr Publ. 352 p.
- Zhuravlev S.A., 2004. *Ideologemy i ikh aktualizatsiya v russkom leksikograficheskom diskurse: dis. kand. ... filol. nauk* [Ideologemes and Their Actualization in Russian Lexicographic Discourse. Cand. philol. sci. diss.]. Yoshkar-Ola. 203 p.
- Zemshal P., 2014. Neskolko zamechaniy otnositelno ponyatiya ideologemy [Few Words on the Term Ideologeme”]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 2 (48), pp. 138-142.
- Ivanov P.K., Katyshev P.A., 2022. O semasiologicheskikh svoystvakh ideologem [On Semasiological Properties of Ideologemes]. *Gumanitarnye*

- tekhnologii v sovremennom mire: X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kaliningrad, 19–22 maya 2022 g.)* [Humanitarian Technologies in the Modern World. Proceedings of the International Scientific Conference (Kaliningrad, May 19–22, 2022)]. Kaliningrad, Poligrafych Publ., pp. 49–51.
- Ivanov P.K., Katyshev P.A., 2023. Ideologema v politicheskoy kommunikatsii: interpersonalnyy aspekt [Ideologeme in Political Communication: Interpersonal Aspect]. *Virtualnaya kommunikatsiya i sotsialnye seti* [Virtual Communication and Social Networks], vol. 2, no. 3 (7), pp. 138–143.
- Ivanova S.V., Chanyшева Z.Z., 2018. Ideologicheskaya sostavlyayushchaya sodержaniya kak obyekт lingvisticheskoy ekspertizy politicheskogo teksta [Ideological Component of Content as an Object of Linguistic Expertise of Political Text]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 1 (67), pp. 180–190. DOI: 10.26170/pl18-01-22
- Ilina E.O., Tolmacheva I.Zh., 2024. Sredstva svyaznosti «silnykh pozitsiy» teksta v yazyke SMI [Means of Connecting the Strong Positions” of the Text in the Language of the Media]. *Nauka i innovatsionnye razrabotki – Severu* [Science and Innovation to the North]. Moscow, Sputnik+ Publ., pp. 439–442.
- Karamova A.A., 2015. Ideologemy: opredelenie ponyatiya i tipologiya [Ideologemes: Notion Definition and Typology]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], no. 2-1, p. 397.
- Karaulov Yu.N., 1987. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, Nauka Publ. 261 p.
- Karpenko S.M., 2021. Precedentnyye fenomeny sovetskoy epokhi v sovremennom publitsisticheskom diskurse (na materiale Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka) [Precedent Phenomena of the Soviet Era in Contemporary Public Discourse (Study of National Corpus of the Russian Language)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 4 (216), pp. 15–23. DOI: 10.23951/1609-624X-2021-4-15-23
- Katyshev P.A., Bozhenkova N.A., 2020. Pozitsiya вовлечения v nelegitimnoy diskursivnoy praktike [Engagement Stance in the Illegitimate Discourse Practice]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 5, pp. 173–182. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.15>
- Klushina N.I., 2014. Teoriya ideologem [The Theory of Ideologeme]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 4(50), pp. 54–58.
- Kupina N. A., 1995. *Totalitarnyy yazyk: slov. i rech. reakcii* [Totalitarian Language. Vocabulary and Speech Reactions]. Yekaterinburg, Ural University Publishing House. 144 p.
- Kukhareno V.A., 1988. *Interpretatsiya teksta* [Text Interpretation]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 192 p.
- Leontyev A.A., 2008. *Psikhologiya obshcheniya* [Communication Psychology]. Moscow, Smysl Publ., Academia Publ. 365 p.
- Malysheva E.G., 2009. Ideologema kak lingvokognitivnyy fenomen: opredeleniye i klassifikatsiya [Ideologeme as Lingo-Cognitive Phenomenon: Definition and Classification]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 4, pp. 32–40.
- Miroshnichenko A.A., 1995. *Lingvo-ideologicheskyy analiz yazyka massovykh kommunikatsiy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and Ideological Analysis of the Language of Mass Communications. Cand. philol.sci. abs. diss.]. Rostov-on-Don. 189 p.
- Nazarova R.Z., Zolotarev M.V., 2015. Precedentnyye fenomeny: problemy definitsii i klassifikatsii precedentnykh fenomenov [Precedent Phenomena: Problems of Definition and Classification]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], vol. 15, no. 2, pp. 17–23.
- Nakhimova E.A., 2011a. Ideologema Stalin v sovremennoy massovoy kommunikatsii [Ideologeme Stalin in Contemporary Mass Media]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 2, pp. 152–156.
- Nakhimova E.A., 2011b. *Precedentnyye onimy v sovremennoy rossiyskoy massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya* [Precedent Onyms in Modern Russian Mass Communication: Theory and Methodology of Cognitive-Discursive Study]. Yekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t Publ. 276 p.
- Novosad K.Yu., Yurina E.A., 2024. Fenomen lingvokreativnosti i ego realizatsiya v diskurse SMI [Phenomenon of Linguistic Creativity and Its Implementation in the Media Discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], vol. 17, no. 7, pp. 2445–2451. DOI: 10.30853/phil20240348
- Paducheva E.V., 2019. *Ehgoцентрические edinicy yazyka* [Egocentric Units of Language]. Moscow, YaSK Publ. 440 p.
- Pareshneva V.O., 2022. Metaforika i intertekst v silnykh tekstovykh pozitsiyakh politicheskogo mediadiskursa [Metaphorics and Intertexts in the

- Key Text Positions of Political Media Discourse]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanities and Law Research], vol. 9, no. 2, pp. 332-338. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.22
- Radbil T.B., 2017. *Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya* [Language and the World: Paradoxes of Interreflection]. Moscow, YaSK Publ. 592 p.
- Romanova T.V., 2019. *Ideologemy i aksiologemy russkogo yazykovogo soznaniya kak otrazhenie konstant i dinamiki natsionalnoy mentalnosti* [Ideologemes and Axiologemes of Russian Linguistic Consciousness as a Reflection of Constants and Dynamics of National Mentality]. Nizhniy Novgorod, DEKOM Publ. 120 p.
- Sklyarevskaya G.N., 1995. *Pragmatika i leksikografiya* [Pragmatics & Lexicography]. *Yazyk-sistema. Yazyk-tekst. Yazyk-sposobnost: sb. st.* [Language-System. Language-Text. Language-Capability. Collection of Articles]. Moscow, IRYa RAN, pp. 63-71.
- Sternin I.A., 2012. *Osnovy rechevogo vozdeystviya* [Fundamentals of Speech Impact]. Voronezh, Istoki Publ. 178 p.
- Frumkina R.M., 1995. Est li u sovremennoy lingvistiki svoya epistemologiya [Does Modern Linguistics Have its own Epistemology?]. Stepanov Yu.S. *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and Science in the Late 20th Century]. Moscow, IYa RAN, pp. 74-117.
- Chzhao Yan, 2020. *Rechevoe вовлечение v prezidentskom diskurse (na materiale vystupleniy V.V. Putina): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Speech Engagement in Presidential Discourse (On the Material of V.V. Putin's Speeches). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 175 p.
- Chudinov A.P., 2012. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 256 p.
- Sheygal E.I., 2004. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moscow, Gnozis Publ. 324 p.
- Shelestyuk E.V., 2014 *Rechevoe vozdeystvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya* [Speech Impact: Ontology and Research Methodology]. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ. 344 p.
- Yurina E.A., Zhakupova A.D., Mukasheva A.O., 2022. Interpretatsionnyy i vozdeystvuyushchiy potentsial klyuchevykh ideologem prezidentskogo diskursa N.A. Nazarbaeva [Interpretive and Influential Potential of Key Ideologemes in the Presidential Discourse of Nursultan Nazarbayev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 76, pp. 199-229. DOI: 10.17223/19986645/76/9

Information About the Authors

Petr K. Ivanov, Senior Lecturer, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, pkivanov@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-0381-7775>

Pavel A. Katyshev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, pakatyshev@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>

Olga V. Zaytseva, Main Expert, Department of Organization of Scientific Work and Training of Scientific Personnel, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, deyalderwer@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7695-6901>

Информация об авторах

Петр Константинович Иванов, старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, pkivanov@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-0381-7775>

Павел Алексеевич Катышев, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, pakatyshev@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>

Ольга Валерьевна Зайцева, главный специалист отдела организации научной работы и подготовки научных кадров, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, deyalderwer@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7695-6901>